

КНИГИ

К годовщине смерти Давида Боровского Киевская тетрадь

ДАВИД

лось мало, и тогда на страницы здесь и там упали "почеркушки" сценографического гения, записки, по-настоящему внятные только его коллегам по цеху. Стремительный почерк Боровского то подписывает лист с эскизом, то оставляет короткую памятку для монтировщика, то просто ставит автограф на неведомом документе. А еще есть обрывки анкеты, личного листка из театрального отдела кадров, где — и год рождения, и национальность, и родители, и первые должности в декораторском цехе.

"Я думаю, что этот театр — мое все" — эти слова Давида Львовича открывают книгу. А закрывая ее, читатель видит тридцать два названия спектаклей, созданных здесь Боровским с 1956 года по год 2006-й, последний в его жизни. Премьера "Дон Кихот 1938 год" по М.Булгакову была сыграна 26 октября, уже без Давида. Он, придумавший вместе с Резниковичем этот двухслойный сюжет, где булгаковская квартира перетекает в место странствий несчастного идеала, где персонажи атакуют их создателя, буквально толкуются в его кабинете, уже не увидел результата. А на огромной сцене Театра Леси Украинки между тем вырос строгий и печальный мир, как это часто бывало у Боровского, имеющий над ним, жилым этажом некий верх, куда проникают лишь помыслы, где обитают провидения и высшие смыслы. Сине, коричневое, кремово-желтое нутро "Москвы" и "Испании" нервно обживает худой и высокий артист Юрий Гребельник — писатель Булгаков в образе Дон Кихота, или Кихот в обличье писателя. Так киевляне Боровский с Резниковичем "прошили" пьесу нитью судьбы, доставшейся киевлянину Булгакову.

Книжка "Давид" имеет второе название — "Киевская тетрадь". Это именно тетрадь, в которую можно занести и обрывочную запись, и продуманный абзац текста. А тексты книжки отобраны не менее тщательно, чем иллюстрации. Здесь — история Киевского русского театра, имена и высказывания Молоствовой, Хохлова, Питовой, Мажуги, Рушковского, Кречетовой, Михайловой, Езепова... Здесь диалог художника с режиссером Резниковичем. И — лицо Боровского, меняющее на многочисленных фотографиях только возраст, но не меняющее при этом своей внутренней сути.

Наталья КАМИНСКАЯ
"Давид". Киев: "Логос", 2006.

Свой ракурс

Издательство "Эксмо" выпустило в свет книгу Д.Боровского "Убегающее пространство", состоящую из двух частей. Первая вобрала в себя воспоминания талантливого театрального художника второй половины XX века. Во второй помещены диалоги Боровского с летописцем Театра на Таганке, одним из самых серьезных наших критиков Риммой Павловной Кречетовой. Это именно диалоги, а не интервью, потому что беседы в них ведутся на равных, без сюсюканья, скорее с юмором, иногда с иронией, но всегда с взаимным уважением, и даже я бы сказал — с любовью.

В книге нет и намека на хвастовство, но нет и обид и жалоб. Боровский никак не комментирует поступки людей, даже если они явно не укладываются в рамки его представлений о добре и зле. О живых и мертвых он вспоминает только с тем, чтобы воздать им должное, если они сделали что-то существенное для искусства или для него лично. Для Боровского явно не имеет значения, пишет ли он о знаменитостях или о никому сегодня уже неведомых рядовых служителях Мельпомены.

Вполне допускаю, что в своих оценках Боровский бывает субъекти-

вен. Но он ведь и не претендует на то, чтобы его суждения рассматривались как истина в последней инстанции. Он говорит лишь то, что думает. И именно этим-то и интересен. Дело историков затем все взвесить и решить, кто прав, кто виноват. Но ведь любые свидетельства историки могут добыть только у современников и очевидцев. И в этом отношении "Убегающее пространство" бесспорно сослужит им пользу как мало какие другие источники. Потому что талант большого Художника в данном случае помножен на талант Человека, отличавшегося, помимо всего, благородством, скромностью, бескомпромиссностью и каким-то особым светом, исходившим не только от его работ, но и от него самого.

В 2001 году в Академии художеств России состоялся вечер, приуроченный к 100-летию со дня рождения выдающейся грузинской художницы Елены Дмитриевны Ахвледиани. К этому событию была приурочена и ее персональная выставка. Народу собралось много! Среди других я заметил и Давида Боровского, скромно стоявшего в одном из дверных проемов.

— Давид, вы ведь знали Эличку, она вас любила, ценила, может быть, и вы скажете о ней несколько слов?

Надо было видеть, как это невинное предложение вмиг изменило выражение лица Боровского.

— Что вы, что вы?! Я просто не мог не прийти сюда в такой день! Но выступать?.. Разве я похож на оратора?

Все торжественное заседание Давид Львович прослушал, стоя, словно в почетном карауле. Но зато одним из первых вошел в зал, где были представлены работы Елены Дмитриевны.

И это при условии, что сам Боровский при жизни ни разу не дал согласия на организацию своей персональной выставки. Такой уж он был оригинал! И только теперь, когда его не стало, появилась надежда, что выставка все же состоится.

Борис ПОКУРОВСКИЙ
Боровский Д. "Убегающее пространство". М.: "Эксмо", 2006.